Челябинский гуманитарий. 2023. № 2 (63). С. 38–45.
ISSN 1999-5407 (print).
Chelyabinskij Gumanitarij. 2023; 2 (63), 38–45.
ISSN 1999-5407 (print).

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI 10.47475/1999-5407-2023-63-2-38-45

СМЫСЛОПОРОЖДАЮЩИЙ И НАРРАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФИГУРЫ ХИАЗМА В РОМАНЕ Ф. СОЛОГУБА «МЕЛКИЙ БЕС»

Ольга Александровна Иоскевич
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Беларусь,
olga-santa@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается смыслопорождающий и нарративный потенциал риторической фигуры хиазма на материале романа Ф. Сологуба «Мелкий бес», в котором сюжетообразующей является тема безумия. Обосновывается тезис о системном характере фигур и тропов в художественном произведении, выступающих как фактор изоморфности всех уровней нарративной структуры текста и реализующих в стиле авторскую концепцию мира и человека. В романе Ф. Сологуба «Мелкий бес» таким порождающим принципом стиля является фигура хиазма, воплощающего парадоксальную взаимообратимость нормы и антинормы как в сознании главного героя, учителя Передонова, так и в окружающем его мире. В романе хиазм проявляется не только в узком смысле – на уровне предложения, но и становится отправной точкой в развитии нарратива, определяя специфику уровня повествовательных инстанций и перспективации, уровень хронотопа и персонажей, а также мотивный уровень. Специфика нарративной структуры, организованной по принципу хиастического обращения, обусловливает создание в романе «Мелкий бес» такого типа дискурса, для которого характерно нивелирование границы между миром реальным и ирреальным, их постоянное взаимопроникновение. На уровне хронотопа происходит совмещение сторон оппозиции «реальное / ирреальное», что открывает возможность взаимозаменяемости понятий норма / антинорма. Хиазм, основанный на взаимном обращении атрибутов внутреннего и внешнего, становится фигурой безумия, обозначая исчезновение субъекта, переживающего кризис идентичности. Сумасшествие Передонова – это не просто психическая болезнь, но, в первую очередь, метафора ментального кризиса, постепенно приводящего человека к полному разрушению его личности.

***Ключевые слова**:* хиазм, безумие, ментальный кризис, повествовательная структура, хронотоп, система мотивов, Ф. Сологуб.

Для цитирования: Иоскевич О. А. Смыслопорождающий и нарративный потенциал фигуры хиазма в романе Ф. Сологуба «Мелкий бес» // Челябинский гуманитарий. 2023. № 2 (63). С. 38–45. doi: 10.47475/1999-5407-2023-63-2-38-45

Original article

THE MEANING-GENERATING AND NARRATIVE POTENTIAL OF THE FIGURE OF CHIASMUS IN THE NOVEL BY FYODOR SOLOGUB “THE LITTLE DEMON”

Olga A. Ioskevich
Yanka Kupala Grodno State University, Grodno, Belarus, olga-santa@yandex.ru

Abstract. The article deals with the meaning-generating and narrative potential of the rhetorical figure of chiasm based on the material of F. Sologub’s novel “The Little Demon”, in which the theme of madness is the plot-forming one. The thesis is substantiated that figures and tropes have a systemic nature, act as a factor of isomorphism of all levels of the narrative structure of the novel and implement the author’s understanding of the world and man in style, performing the function of meaning generation and text formation. In Sologub’s novel “The Little Demon”, the generating principle of style is the figure of chiasmus, embodying the paradoxical reversibility of norm and antinorm both in the mind of the protagonist, the teacher Peredonov, and in the world around him. In the novel, chiasmus manifests itself not only in a narrow sense – at the level of a sentence, but also becomes a starting point in the development of a narrative, determining the specifics of the level of narrative instances and perspectives, the level of chronotope and characters, as well as the motive level. The specificity of the narrative structure, organized according to the principle of chiastic appeal, determines the creation of such a type of discourse in the novel, which is characterized by the leveling of the boundary between the real and unreal worlds, their constant interpenetration. At the level of the chronotope, there is a combination of the sides of the opposition “real / unreal”,

which opens up the possibility of interchangeability of the concepts of norm / antinorm. Chiasmus, based on the mutual reversal of the attributes of internal and external, becomes a figure of madness, denoting the disappearance of a subject experiencing an identity crisis. Peredonov's madness is not just a mental illness, but, first of all, a metaphor for a mental crisis that gradually leads a person to the complete destruction of his personality.

Key words: chiasmus, madness, mental crisis, narrative structure, chronotope, system of motives, F. Sologub.

For citation: Ioskevich O. A. (2023). The meaning-generating and narrative potential of the figure of chiasmus in the novel by Fyodor Sologub "The little demon". *Chelyabinskij Gumanitarij*, 2 (63), 38–45. doi: 10.47475/1999-5407-2023-63-2-38-45

Одним из компонентов классической риторики, актуальных для современной гуманитаристики, выступает учение о фигурах и тропах. В данном направлении исследований продуктивным представляется тезис французских структуралистов о риторических фигурах и тропах как о сфере пересечения интересов поэтики, риторики и литературной теории. Фигуры и тропы понимаются структуралистами не только и не столько как «украшения» речи, но как смыслопорождающий и текстосозидающий механизм. Так, по мнению Р. Барта, именно «через риторические фигуры язык навязывает» автору «целую систему видения мира», «форму мира», соотносящуюся с «пространственными представлениями у художников» (Барт 1989: 218).

Намеченные Р. Бартом идеи о смыслопорождающем потенциале фигур и тропов получили дальнейшее развитие в таких работах Ж. Женетта, как «Пруст-палимпсест», «Слова и чудеса», «Изнанка знаков», «Фигуры» и др. Представленное в художественном тексте «риторическое описание фигур», по предположению Ж. Женетта, «стремится <…> составить код литературных коннотаций», «традиционный код», характерный для каждого этапа развития литературы (Женетт 1998: 217). При этом, как подчеркивал Ж. Женетт, изучение конфигураций фигур и тропов в тексте художественного произведения позволяет не только раскрыть все особенности «поэтического качества речи», но и выявить характер языкового мироистолкования эпохи (Женетт 1998: 216, 217).

Подобное мнение высказывал в работе «Аллегории чтения» и Поль де Ман: признавая риторический потенциал языка одним из важнейших признаков литературы, он утверждал, что «экзистенциальная позиция» автора в итоге «должна привести к решениям, функционирующим на уровне языка» (Ман, де 1999: 18, 37). Соответственно, фигуры и тропы следует рассматривать не только как средства художественной выразительности, но как механизм текстопорождения и шире – авторского мироистолкования.

Идеи, выдвинутые структуралистами, впоследствии получили развитие в работах Т. Е. Автухович, обосновавшей тезис о том, что «именно на уровне языка – в отборе риторических фигур и тропов непосредственно проявляется мировоззренческая драма писателя», поэтому «анализ индивидуально-авторских конфигураций тропов и риторических фигур позволяет выявить основные правила построения текста и способ его интерпретации» (Автухович 2005: 19, 25).

На наш взгляд, можно говорить не только о смыслообразующем, но и нарративном потенциале риторических фигур и тропов, которые отражают специфику мировоззрения автора и определяют все уровни повествовательной структуры текста или стиль в его широком понимании. Нарратологический анализ произведения позволяет проследить, как в структуре и языке повествования, в речевом поведении персонажей проявляются особенности авторской концепции мира и человека, обусловленные совокупностью исторических, социальных, культурных факторов.

В качестве материала для обоснования тезиса о смыслообразующем и нарративном потенциале риторических фигур в нашем исследовании выступает роман Ф. Сологуба «Мелкий бес» (1902), одно из наиболее ярких и необычных произведений рубежа XIX – XX вв., в котором элементы поэтики реализма и символизма причудливо соединяются и взаимодействуют.

Продуктивной при изучении подобных «пограничных» текстов представляется концепция В.И. Тюпы, который в работе «Дискурсные формации. Очерки по компаративной риторике» рассматривает историю человеческой цивилизации как смену четырех «фундаментальных состояний человеческого духа» или иначе – типов сознания:

1. Роевой Мы-менталитет – статусно-роевое, анонимное сознание.
2. Ролевой Он-менталитет – нормативно-ролевое, авторитарное сознание.
3. Дивергентный Я-менталитет – автономное, радикально индивидуализированное сознание.
4. Конвергентный Ты-менталитет – диалогизированное сознание (Тюпа 2010: 22–25).

Исторический переход от одного типа сознания к другому осуществляется в результате происходящей «смены ментальных матриц» (Назаретян 2007: 135), регулирующих понимание мира и человека, и, вместе с тем, порождает ситуацию «ментального кризиса» (определение В. И. Тюпы).

К концу XIX века в русской культуре назревает «очередной ментальный кризис – кризис воображающего свои миры Я-сознания» (Тюпа 2014: 15). Весь «длинный» XX век, который начался ранее 1901 года и, по-видимому, еще не завершился, представляет собой «эпоху длительного ментального кризиса»,

ознаменованного «ницшеанством, символизмом, покаянным эгоцентризмом Блока, постсимволистским разбродом художественных практик, фрейдовским психоанализом, а социально-политически – первой мировой войной и Октябрьской революцией» (Тюпа 2014: 15).

В такие переломные моменты в литературе актуализируется интерес ко всему необычному, странному, выходящему за рамки общепринятой нормы. Соответственно, исключительно востребованной становится тема безумия, которое понимается как своеобразная метафора ментального кризиса, возникающего в ситуации смены культурных парадигм.

В романе Ф. Сологуба «Мелкий бес» тема безумия является сюжетообразующей. Главный герой произведения, учитель гимназии Ардальон Борисович Передонов, – озлобленный, невежественный обыватель, в образе которого воплощается бездуховность и полная моральная деградация личности. Нарастание психического расстройства Передонова описывается автором с медицинской точностью. Совершенно справедливо В. Руднев называет роман Сологуба своеобразной «энциклопедией шизофренического сознания на всех его стадиях» (Руднев 2019: 216).

Уже с первых страниц романа у персонажа отчетливо проявляется мания преследования: он боится доносов, убийства, болезней, колдовства и многого другого. Передонов живет в постоянном ощущении страха: «Да и чего тут стоять и ждать? – подумал он, – еще простудишься. Во рву на улице, в траве под забором, может быть, кто-нибудь прячется, вдруг выскочит и укокошит. И тоскливо стало Передонову» (Сологуб Ф. Мелкий бес. Москва : Художественная литература, 1988. С. 60). Это ощущение страха и тупой тоски сочетается у персонажа с полным равнодушием к окружающему миру: «…он не принимал никакого участия в чужих делах, – не любил людей, не думал о них иначе, как только связи со своими выгодами и удовольствиями» (Сологуб Ф. Указ. соч. С. 30–31).

Постепенно Передонов полностью утрачивает способность адекватного восприятия происходящих событий. Все окружающие представляются ему врагами, задумавшими что-то недоброе. Итогом помешательства Передонова становится совершенное им ритуальное убийство Володина, в лице которого для него воплотились все недоброжелатели: «надо убить Павлушку, пока не поздно. И тогда все хитрости вражьи откроются» (Сологуб Ф. Указ. соч. С. 283). После убийства Передонов окончательно утрачивает связь с реальной действительностью и погружается в кошмарный мир собственного помраченного сознания: «Передонов безумными глазами смотрел на труп, слушал шепоты за дверью… Тупая тоска томила его. Мыслей не было» (Сологуб Ф. Указ. соч. С. 283).

Однако подчеркнем, что, создавая клинически точную картину нарастающего помешательства Передонова, Сологуб отнюдь не задается целью изобразить лишь медицинский аспект безумия. Значимыми для романа оказываются и социальный, и этический, и философский аспекты сумасшествия. В «Мелком бесе» безумие тематизируется, вбирая в себя множество взаимосвязанных значений: «безумие как заболевание психики – безумие как метафорическая оценка ментального кризиса – безумие как художественный принцип исследования ненормального социума и шире – мира человеческих взаимоотношений» (Иоскевич 2015: 71–72).

Примечательно, что в романе Сологуба вымышленный мир, порожденный больным воображением Передонова, становится перевернутым, искаженным отражением реального мира, парадоксальным образом повторяя его. Это позволяет утверждать, что смыслопорождающим принципом стиля в романе «Мелкий бес» является хиазм – риторическая фигура, заключающаяся в зеркальной симметрии двух частей высказывания. В романе Сологуба хиазм («выворачивание») проявляется не только в узком смысле – на уровне синтаксической конструкции, но и становится отправной точкой в развитии нарратива, определяя специфику уровня повествовательных инстанций и перспективации, хронотопа и системы персонажей, а также мотивного уровня.

На наш взгляд, в «Мелком бесе» находит отражение новый этап в осмыслении Я-менталитета, формирование которого продолжается на фоне сохраняющего своего значимость нормативно-ролевого менталитета. В таком аспекте сумасшествие Передонова можно интерпретировать как проявление ментального кризиса, результатом которого становится полное разрушение личности человека. Передонов переживает кризис идентичности, обусловленный принципиальной невозможностью освоения Я-сознания. В отличие от неординарной самодостаточной личности, для которой «другие» выступают как равноправный объект, главный герой «Мелкого беса» полностью зависит от окружающих его людей: он постоянно обеспокоен тем, что о нем говорят и думают, как оценивают его поступки. «Другие» по отношению к Передонову выполняют функцию «порабощающего сверхсубъекта» (Тюпа 2010: 28), пытаясь следовать требованиям которого персонаж утрачивает собственное «я» и сходит с ума.

Кроме того, в романе Сологуба ставится под вопрос «нормальность» носителей нормативно-ролевого менталитета, характерного для общественного сознания России на рубеже XIX – XX вв. Ведь самые нелепые и странные поступки Передонова окружающие долгое время воспринимают как вполне нормальные;

более того, он даже считается завидным женихом и претендует на роль педагога-инспектора. Вик. Ерофеев объясняет этот парадокс атмосферой всеобщей глупости, царящей вокруг: «сологубовский город поистине славен своим идиотизмом»; слово «глупый» – одно из наиболее частотных слов в романе, с помощью которого характеризуются многие действующие лица. Вполне закономерно, что «в этой вакханалии глупости Передонова с большим трудом и неохотой признают сумасшедшим» (Ерофеев 1990: 84).

Каждый из персонажей романа по-своему глуп и невежественен (Варвара, Володин, Рутилов и др.), что постоянно подчеркивается автором. Как нравственно здоровые не могут восприниматься и чиновники, выбранные Передоновым для посещения с целью убеждения в своей благонадежности (городской голова Скучаев, предводитель дворянства Верига, прокурор Авиновицкий и др.). И в целом, жители города предстают погруженными в духовную дремоту: «…шли они медленно, словно ничто ни к чему их не побуждало, словно едва одолевали они клонящую их к успокоению дремоту…» (Сологуб Ф. Указ. соч. С. 95).

Естественно, что в этом пространстве всепоглощающей глупости Передонова с трудом признают сумасшедшим, хотя явная ненормальность его поведения проявляется уже в самом начале романа: в параноидальной подозрительности, в маниакальной зацикленности на одной идее (получение должности инспектора), в извращенной тяге к издевательствам над гимназистами и т.д.

Как отмечает М. Павлова, кажущаяся «нормальность» Передонова «претворяется в символ разрушительной сущности всего человеческого бытия» (Павлова 2007: 274). В мире абсурда помешательство одного из членов социума не только приобретает характер нормы, но и «оборачивается сумасшествием коллективным – безумием социальных порядков и ненадежностью идеологических конвенций» (Богданов 2005: 265). Таким образом, фигура хиазма воплощает в романе Сологуба парадоксальную взаимообратимость нормы и антинормы как в сознании главного героя, так и в окружающем его мире.

Соответственно, на наш взгляд, хиазм можно назвать фигурой безумия: взаимозаменяя «атрибуты внутреннего и внешнего», он приводит «к уничтожению сознающего субъекта» (Ман, де 1999: 50). Это означает, с одной стороны, полное помешательство персонажа, неспособного более к адекватному восприятию мира, к разграничению воображаемого и реального, а с другой – нивелирование, распад его личности. Выворачивая стороны оппозиции «реальное / воображаемое», хиазм «зеркально удваивает мир, порождая эффект больного сознания и в то же время отражая ложность ценностных оснований реального мира» (Иоскевич 2015: 73).

Специфика авторского понимания и осмысления проблемы безумия (как отдельного человека, так и социума в целом) обусловила особенности повествовательной структуры «Мелкого беса», которая тоже подчиняется принципу хиастического обращения. Именно своеобразный характер взаимодействия повествовательных инстанций способствует созданию в романе Сологуба такого типа дискурса, для которого характерно стирание границы между миром реальным и ирреальным, их постоянное взаимопроникновение.

Особенности взаимоотношений автора и героя в «Мелком бесе» проявляются как в перманентном колебании дистанции между ними, так и в использовании различных форм экспликации образа автора в тексте. Автор скрывается за фигурой недиегетического нарратора, характеристики которого в романе постоянно меняются: он то занимает позицию всеведения, то сознательно уклоняется и от оценок происходящего, и от комментариев, которые способствовали бы прояснению ситуации.

Авторская оценка персонажа эксплицируется в произведении разными способами. Например, один из наиболее распространенных в романе способов – подчеркнутое несовпадение персональной и нарраториальной точек зрения: «Передонов оживился. “Идут!” – радостно подумал он, и приятные мечты о красотках-сестрицах опять лениво зашевелились в его голове, – паскудные детища его скудного воображения» (Сологуб Ф. Указ. соч. С. 57).

Часто характеристика Передонова дается сквозь призму восприятия его другими персонажами романа, например: «Уже он давно убедился, что директор ему враждебен, – и на самом деле директор гимназии считал Передонова ленивым, неспособным учителем» (Сологуб Ф. Указ. соч. С. 70).

В некоторых случаях нарратор выступает как всеведущий и дает прямые оценки как главному герою, так и другим действующим лицам романа. Он описывает «нищую и скучную жизнь» горожан, которых ничего не интересует, кроме городских сплетен и слухов. Но именно в Передонове отрицательные качества, в разной степени присущие всем жителям города, достигают своего апогея: «…смотрел он на мир мертвенными глазами, как некий демон, томящийся в мрачном одиночестве страхом и тоскою. Его чувства были тупы, и сознание его было растлевающим и умертвляющим аппаратом. Все доходящее до его сознания претворялось в мерзость и грязь…» (Сологуб Ф. Указ. соч. С. 95–96).

Однако гораздо чаще всеведущий нарратор, способный объяснить читателю суть любого явления, в «Мелком бесе» уступает место несведущему нарратору, который воздерживается от комментариев «тёмных» мест романа. Так, например, описывая появление таинственной Недотыкомки, нарратор

намеренно устраняется как воспринимающая и оценивающая инстанция. Повествование здесь ведется с перцептивной точки зрения персонажа, который сходит с ума и не может объективно оценивать происходящее: «Одно странное обстоятельство смутило его. Откуда-то прибежала удивительная тварь неопределенных очертаний, – маленькая, серая, юркая недотыкомка. Она посмеивалась, и дрожала, и вертелась вокруг Передонова» (Сологуб Ф. Указ. соч. С. 126).

Читателю непонятно, связано ли появление Недотыкомки с проникновением в мир реальный мира инфернального (потустороннего), либо с нарастающим сумасшествием главного героя. Поэтому роман Сологуба можно определить как «ненадёжный» текст, базирующийся на «затемнениях» (blackouts) смысла (определение Д. Гасперетти) (Gasperetti 1998: 178). Постоянное взаимопроникновение обыденного и фантастического, бытового и мистического приводит к тому, что в «Мелком бесе» происходит разрушение границы между реальным и воображаемым / кажущимся.

Хиазм определяет и специфику хронотопа «Мелкого беса». Художественное пространство в романе Сологуба условно разделено на сферу мира реального (обыденного) и ирреального (инфернального). Реальный мир, мир пошлости и серости, соотносится с пространством уездного города, где происходят события романа, а пугающий ирреальный является порождением помраченного сознания Передонова. При этом сатирическое, гротескное изображение деталей провинциального быта, так хорошо знакомого Сологубу, в романе «граничит с сюрреализмом» (Мескин 2015: 207). Город, наводненный сплетнями и слухами, интригами и обманом, изображается автором как средоточие глупости и бездуховности. По сути, это хтоническое пространство, где истинные ценности (любовь, дружба, милосердие и т.п.) утрачивают смысл, оказываются словно вывернутыми наизнанку. Поэтому реальный мир, изображенный в романе Сологуба, не менее страшен, чем мир потусторонний, инфернальный, с неуловимой и вездесущей Недотыкомкой, ожившими карточными фигурами, оборотнями и колдовскими чарами.

Безумие Передонова, с одной стороны, во многом становится результатом его контакта с хтоническим реальным миром, а с другой – «являет собой симптом безумного мира, катастрофического сдвига действительности» (Сконечная 2015: 96). В художественном мире «Мелкого беса» совмещаются стороны оппозиции «реальное (обыденное) / ирреальное (инфернальное)», что способствует возникающей в романе взаимозаменяемости понятий «норма» и «антинорма»: так, «нормальные», с общепринятой точки зрения, отношения, положенные в основу социального устройства, приводят Передонова к сумасшествию, а само общество приобретает инфернальный смысл. Подобное обращение ценностных оппозиций соответствует логике хиазма.

В свою очередь, специфика художественного пространства, главным признаком которого является его инфернальный характер, обусловливает актуализацию в романе Сологуба ряда знаковых мотивов: мотива оборотничества, мотива наваждения, мотива подмены, мотива духовного омертвения.

Мотив оборотничества, один из самых распространенных фольклорно-мифологических мотивов, восходит к архаическим обрядам, которые символизируют переход человека из одного состояния в другое, как правило, из мира живых в мир мертвых и наоборот. В «Мелком бесе» данный мотив связан, прежде всего, с помешательством Передонова, который одновременно существует в двух мирах – реальном и инфернальном. Так, например, Володин постоянно сравнивается с бараном: «…молодой человек, весь, и лицом, и ухватками, удивительно похожий на барашка» (Сологуб Ф. Указ. соч. С. 38), что не только характеризует персонажа как глупого и бестолкового, но и является прямым намеком на его дальнейшую судьбу (баран – жертвенный агнец). Кот в помраченном сознании Передонова соотносится с «тайным жандармским унтер-офицером»: «Иногда он даже оборотнем живет. Ты думаешь, это просто кот, ан врешь! это жандарм бегает. От кота никто не таится, а он все и подслушивает» (Сологуб Ф. Указ. соч. С. 225). К финалу романа мотив оборотничества приобретает широкое значение, символизируя враждебность окружающего мира по отношению к Передонову: «…собаки хохотали над ним, люди облаивали его» (Сологуб Ф. Указ. соч. С. 223).

Важным для романа «Мелкий бес» является мотив наваждения. С одной стороны, он обусловлен авторской концепцией мира, в котором кажущееся часто невозможно отделить от существующего на самом деле; с другой стороны, закономерно соотносится с особенностями параноидального мышления Передонова. Сходящий с ума Передонов постоянно опасается чьего-то зловредного воздействия. Так, ему кажется, что девицы Рутиловы пытаются его околдовать, а Володин хочет навести на него порчу. В магию верят практически все персонажи «Мелкого беса», что свидетельствует о духовной деградации общества.

С мотивом наваждения непосредственно связан и зловещий образ Недотыкомки, который имеет смешанное происхождение: с одной стороны, он восходит к народной демонологии, с другой – является автоцитатным, возникая впервые в одноименном стихотворении Сологуба, датированном 1899 годом. Вполне обоснованным видится предположение О. Сконечной о том, что Недотыкомка – это «символ параноидального мироустройства» (Сконечная 2015: 97).

На наш взгляд, принципиально многозначный образ Недотыкомки можно интерпретировать как овнешнение самой темной части помраченного сознания Передонова, как его подсознательное, демоническое второе «я», поэтому все попытки персонажа избавиться от нее тщетны. Вместе с тем, подобно мифологическому чудовищу, Недотыкомка олицетворяет собой «образ хаоса», проникшего в мир социальных отношений или / и в самого человека (Мелетинский 2001: 152, 156).

Одним из знаковых в романе является мотив подмены. Передонов живет в постоянном страхе, опасаясь того, что враги хотят занять его место, вытеснить его из жизни. «Он думал: вот окрутят с Варварой, а там, как поедут на инспекторское место, отравят его в дороге ерлами, и подменят Володиным: его похоронят как Володина, а Володин будет инспектором» (Сологуб Ф. Указ. соч. С. 43). И далее: «Ведь бывали же случаи, что люди присваивали себе чужое имя, и жили себе в свое удовольствие. Конечно, заменить самого Передонова Володину трудненько, – да ведь у дурака <…> могут быть самые нелепые затеи» (Сологуб Ф. Указ. соч. С. 70). Возникает мотив подмены одного человека другим, который постепенно видоизменяется и перерастает в мотив подмены живого мертвым, шире – в мотив духовного омертвения. «Он заплясал и закружился по горнице. С неподвижно-красным лицом и с тупыми глазами он казался странно-большою, заведенную в пляс куклою» (Сологуб Ф. Указ. соч. С. 197). Механизация внешних движений, доведение их до полного автоматизма является проявлением внутреннего омертвения Передонова, что соотносится с пониманием безумия как хтонической силы, подчиняющей себе человека.

Таким образом, в «Мелком бесе» Ф. Сологуба находит отражение процесс выпадения человека из рамок нормативно-ролевого сознания, приводящий в итоге к ментальному кризису, проявлением которого становится сумасшествие. Рядовой член сословно-иерархического общества оказался не в состоянии противопоставить себя нормативно-ролевому менталитету: отдельные черты Я-менталитета, намеченные пока лишь пунктиром, в его сознании приняли искаженную форму, свелись к примитивному желанию занять более высокое положение в социальной иерархии. Сумасшествие Передонова – это не просто психическая болезнь, но, в первую очередь, метафора ментального кризиса, постепенно приводящего человека к полному разрушению его личности.

Порождающим принципом стиля в романе «Мелкий бес» является хиазм, определяющий специфику нарративной структуры романа, уровня хронотопа, системы мотивов и персонажей. Фигура хиазма воплощает в себе идеи о взаимообратимости нормы и антинормы, о парадоксальном устройстве мира, в котором происходит распад личности человека, переживающего кризис идентичности.

Список источников

1. Автухович Т. Е. Риторические механизмы орнаментального стиля // Автухович Т. Е. Поэзия риторики : очерки теоретической и исторической поэтики. Минск : РИВШ, 2005. С. 18–25.

2. Барт Р. Из книги «О Расине» // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / сост., общ. ред. и вступ. ст. К.Г. Косикова. Москва : Прогресс, 1989. С. 142–232.

3. Богданов К. А. Врачи, пациенты, читатели : Патографические тексты русской культуры XVII–XIX веков. – Москва : ОГИ, 2005. 504 с.

4. Ерофеев В. На грани разрыва («Мелкий бес» Федора Сологуба и русский реализм) // Ерофеев В. В лабиринте проклятых вопросов. Москва : Советский писатель, 1990. С. 79–100.

5. Женетт Ж. Фигуры ; пер. с фр. Е. Гречаной // Фигуры : в 2 т. Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 1. С. 205–217.

6. Иоскевич О. А. Риторические фигуры и тропы в художественном произведении : смыслопорождающий и нарративный потенциал (на материале русской прозы первой половины XIX века) : монография. Гродно : Изд-во ГрГУ, 2015. 123 с.

7. Ман де П. Аллегории чтения : Фигуральный язык Руссо, Ницше, Рильке и Пруста ; пер. С. Никитина. Екатеринбург : Изд-во Уральск. ун-та, 1999. 368 с.

8. Мелетинский Е. М. Трансформации архетипов в русской классической литературе (Космос и Хаос, герой и антигерой) // Литературные архетипы и универсалии / под ред. Е. М. Мелетинского. Москва : РГГУ, 2001. С. 150–224.

9. Мескин В. А. История русской литературы «серебряного века» : учебник для бакалавров. Москва : Изд-во Юрайт, 2015. 385 с.

10. Назаретян А. П. Антропология насилия и культуры: Очерки по эволюционно-исторической психологии : монография. Москва : Изд-во ЛКИ, 2007. 256 с.

11. Павлова М. Писатель-Инспектор: Федор Сологуб и Ф. К. Тетерников : монография. Москва : Новое литературное обозрение, 2007. 512 с.

12. Руднев В. «Мелкий бес» Федора Сологуба: от паранойи к шизофрении // Безумное искусство : страх, скандал, безумие / сост., предисл. Н. Букс, Е. Курганова. Москва : Изд-во АСТ, 2019. С. 216–235.

13. Сконечная О. Русский параноидальный роман: Федор Сологуб, Андрей Белый, Владимир Набоков : монография. Москва : Новое литературное обозрение, 2015. 256 с.

14. Тюпа В. И. Дискурсные формации: очерки по компаративной риторике : монография. Москва : Языки славянской культуры, 2010. 320 с.

15. Тюпа В. И. Ментальные кризисы в истории литературы // Антропологические сдвиги переломных эпох и их отражение в литературе: сб. науч. ст.: в 2 ч. Гродно : ГрГУ, 2014. Ч. 1. С. 9–19.

16. Gasperetti D. The Rise of the Russian Novel. Carnival, Stylization, and Mockery of the West. Illinois : Northern Illinois University Press ; DeKalb, 1998. 260 p.

References

1. Avtukhovich, T. E. (2005). Ritoricheskie mekhanizmy ornamental'nogo stilya [Rhetorical Mechanisms of the Ornamental Style]. *Poeziya ritoriki : ocherki teoreticheskoy i istoricheskoy poetiki*. Minsk: Republican Institute of Higher Education, 18–25. (In Russ.).

2. Bart, R. (1989). Iz knigi «O Rasine» [From the book "About Racine"]. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika*. Moscow: Progress, 142–232. (In Russ.).

3. Bogdanov, K. A. (2005). *Vrachi, patsienty, chitateli : Patograficheskie teksty russkoy kul'tury XVII–XIX vekov* [Doctors, Patients, Readers: Patographic Texts of Russian Culture of the 17th–19th Centuries]. Moscow : UHBH Publ., 504 p. (In Russ.).

4. Erofeev, V. (1990) Na grani razryva («Melkiy bes» Fedora Sologuba i russkiy realizm) [On the verge of a break ("The Little Demon" by Fyodor Sologub and Russian realism)]. *V labirinte proklyatykh voprosov*. Moscow : Soviet writer, 79–100. (In Russ.).

5. Ioskevich, O. A. (2015) *Ritoricheskie figury i tropy v khudozhestvennom proizvedenii : smysloporozhdayushchiy i narrativnyy potentsial (na materiale russkoy prozy pervoy poloviny XIX veka)* [Rhetorical Figures and Tropes in a Work of Art: Meaning-Generating and Narrative Potential (on the Material of Russian Prose of the First Half of the 19th Century)]. Grodno : Grodno State University Publ., 123 p. (In Russ.).

6. Zhenett, Zh. (1998). *Figury* [Figures]. Moscow : Publishing House im. Sabashnikov, Vol 1, 205–217. (In Russ.).

7. Man, de P. (1999). *Allegorii chteniya : Figural'nyy yazyk Russo, Nitsshe, Ril'ke i Prusta* [Allegories of Reading: The Figurative Language of Rousseau, Nietzsche, Rilke and Proust]. Ekaterinburg : Uralsk Publ., 368 p. (In Russ.).

8. Meletinskiy, E. M. (2001) Transformatsii arkhetipov v russkoy klassicheskoy literature (Kosmos i Khaos, geroy i antigeroy) [Transformations of archetypes in Russian classical literature (Cosmos and Chaos, hero and antihero)]. *Literaturnye arkhetipy i universalii*. Moscow: Russian State University for the Humanities Publ., 150–224. (In Russ.).

9. Meskin, V. A. (2015). *Istoriya russkoy literatury "serebryanogo veka"* [History of Russian Literature of the "Silver Age"]. Moscow : Yurayt Publ., 385 p. (In Russ.).

10. Nazaretyan, A. P. (2007). *Antropologiya nasiliya i kul'tury: Ocherki po evolyutsionno-istoricheskoy psikhologii* [An Anthropology of Violence and Culture: Essays in Evolutionary-Historical Psychology]. Moscow : LKI Publ., 256 p. (In Russ.).

11. Pavlova, M. (2007) *Pisatel'-Inspektor: Fedor Sologub i F. K. Teternikov* [Writer-Inspector: Fedor Sologub and F. K. Teternikov]. Moscow : New Literary Review Publ., 512 p. (In Russ.).

12. Rudnev, V. (2019) *«Melkiy bes» Fedora Sologuba: ot paranoyi k shizofrenii* ["Small Demon" by Fyodor Sologub: from paranoia to schizophrenia]. *Bezumnoe iskusstvo : strakh, skandal, bezumie* [Mad Art: Fear, Scandal, Madness]. Moscow : AST Publ., 216–235. (In Russ.).

13. Skonechnaya, O. (2015). *Russkiy paranoidal'nyy roman: Fedor Sologub, Andrey Belyy, Vladimir Nabokov* [Russian paranoid novel: Fyodor Sologub, Andrey Bely, Vladimir Nabokov]. Moscow : New Literary Review Publ., 256 p. (In Russ.).

14. Tyupa, V. I. (2010). *Diskursnye formatsii: ocherki po komparativnoy ritorike* [Discourse formations: essays on comparative rhetoric]. Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 320 p. (In Russ.).

15. Tyupa, V. I. (2014) Mental'nye krizisy v istorii literatury [Mental crises in the history of literature]. *Antropologicheskie sdvigi perelomnykh epokh i ikh otrazhenie v literature*. Grodno : Grodno State University Publ., Vol. 1, 9–19. (In Russ.).

16. Gasperetti, D. (1998). *The Rise of the Russian Novel. Carnival, Stylization, and Mockery of the West*. Illinois : Northern Illinois University Press, 260 p.

Информация об авторе

О. А. Иоскевич – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской филологии.

Information about the author

Olga A. Ioskevich – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian Philology.

Статья поступила в редакцию 08.07.2023; одобрена после рецензирования 24.07.2023;
принята к публикации 24.07.2023.
The article was submitted 08.07.2023; approved after reviewing 24.07.2023;
accepted for publication 24.07.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.